

На примере Белинского мы можем увидеть интересную особенность всех упомянутых рецензий на «Жизнь есть сон» и «Саламейского алькальда». Вот что, на мой взгляд, самое примечательное в этом своде рецензий, похожих друг на друга и обнаруживающих заинтересованное знакомство с рецензируемым текстом:¹⁶ никто даже не упоминает, что Тимковский переводит испанскую классическую комедию прозой. Предприятие Тимковского важно и заслуживает внимания, ему желают полного успеха, перевод хорош, система в обращении с подлинником — «очень хороша», в предисловии обнаруживается совестливое усердие переводчика к своему делу, примечания «чрезвычайно важны и драгоценны», но при этом даже не обсуждается возможность перевести испанские стихи русскими стихами.

Литературная репутация Тимковского в истории российской словесности оказалась схожа с манерой его перевода: при общем уважительном отношении в ней чересчур много ошибок и умолчаний. Ни рецензенты-современники, ни авторы последующих работ, посвященных русской судьбе испанской классики, не указывают, что принятая Тимковским «система» — это переводить комедии Золотого века прозой, лишь кое-где вставляя не очень удачные рифмованные строки. Об этом не упоминает М. П. Алексеев, нет указания на характер перевода и в «Библиографии русских

литературной критикой в XIX веке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 3. С. 133.

¹⁶ В заметке из «Северной пчелы» и в отзыве Белинского такого знакомства не обнаруживается.

переводов Кальдерона». ¹⁷ Вклад Тимковского неточно описан в представительном издании пьес Кальдерона, опубликованном в 1961 году: в примечаниях к драме «Жизнь есть сон» Н. Томашевский упомянул его в одном ряду с другими переводчиками (Н. Пятницким, К. Бальмонтом, Д. Петровым, В. Парнахом), но с неправильным инициалом «Н.».¹⁸ А в примечаниях к «Саламейскому алькальду» Тимковского вообще забыли назвать: «Публикуемый перевод Ф. Кельина является третьим по счету русским переводом этой пьесы (имелись переводы С. Костарева и М. Казминова).¹⁹ Прозаическая система перевода тоже, как видим, никак не оговаривается.

В целом работы Тимковского уже стали достоянием истории: многие его переводы замещены новыми версиями, переизданий не было. В наше время больше всего востребованы предложенные Тимковским приемы транскрипции испанских реалий; его переводческие эксперименты (включая и удачные) остались в стороне от магистральных путей, от сформировавшейся в России традиции перевода классической испанской драматургии. Константин Тимковский и Николай Пятницкий были последними значительными переводчиками, перелавшими испанские драматические произведения прозой.

¹⁷ Коган Г. А. Педро Кальдерон де ла Барка. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1781–1983). С. 229–265.

¹⁸ Кальдерон де ла Барка П. Пьесы. М., 1961. Т. 1. С. 696.

¹⁹ Там же. С. 700.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-257-259

© А. С. Урюпина

О ДВУХ ПРОТОТИПАХ ГЕРОЕВ РАССКАЗА А. М. РЕМИЗОВА «ГОРОСКОП»*

Рассказ А. М. Ремизова «Гороскоп»,¹ первоначально входивший как глава в состав повести «Мышкина дудочка» (1946), не был опубликован при жизни автора. Писатель изъяслялся из произведения сюжетно законченный эпизод, казалось бы идеально вписывавшийся в общий контекст этой, пользуясь авторским

* Публикация подготовлена по гранту РНФ, проект № 22-28-00165 «Первая волна русской эмиграции в 1940-е – 1950-е гг.: культурные институции и межличностные коммуникации (по материалам архивов А. М. Ремизова)»; <https://rscf.ru/project/22-28-00165/>, ИРЛИ РАН.

¹ См.: Ремизов А. М. «Фигли-мигли». «Гороскоп» / Публ. А. С. Урюпиной // Русская литература. 2022. № 3. С. 201–215.

определением, «интермедии» из жизни русских эмигрантов периода немецкой оккупации Парижа, по причине того, что лица, являвшиеся прототипами главных персонажей, оставались в кругу его близких знакомых, а рассказанная история могла их обидеть. Напомним, что в «Гороскопе» описываются взаимоотношения двух молодых влюбленных: «молодого человека лет за 50», по прозвищу Пакт, и «княжны Олечки Олсуфьевой», увлекавшейся составлением гороскопов и из-за этого получившей свое прозвание. В конце рассказа герои навсегда расставались после неудачной попытки Пакта сделать Гороскопу предложение руки и сердца.

Как удалось установить, прототипом Пакта был хороший знакомый Ремизова, юрист

и профессор Университета высших международных исследований (Institut des hautes études internationales; IHESI) Георгий Гаврилович Шклявер (1897–1970). В эмиграции он был известен как последователь идей Н. К. Рериха. Пропагандируя их, Шклявер выступал с лекциями, писал статьи и брошюры, входил в редколлегия журналов «Оккультизм и йога». В 1928 году именно он как юрист и адепт теорий своего Учителя разработал текст так называемого «Пакта Рериха» — договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Этот документ стал первым в истории международным договором о защите культурного наследия. 15 апреля 1935 года он был подписан в Вашингтоне представителями 21 страны Северной и Южной Америки. В 1948-м «Пакт» был одобрен правительством республики Индия.

Ремизов и Шклявер были знакомы с 1920-х годов и не прекращали общение до смерти писателя.² Георгий Гаврилович неоднократно бывал у Ремизовых в гостях. Как минимум два его визита зафиксированы документально: 8 мая 1927 года он оставил автограф в альбоме жены писателя Серафимы Павловны;³ затем 1 апреля 1952-го — нарисовал шуточный автопортрет (круглое лицо, выведенное неуверенными штрихами) и расписался в ремизовском блокноте для посетителей — «Золотой книге Обезвельволлала № 2».⁴ А 7 января 1952 года он известил Ремизова о смерти и похоронах мадам Вёв Габриэль (Мари Аман) Шклявер,⁵ своей матери, также анонимно упомянутой в тексте рассказа «Гороскоп».

Хотя Алексей Михайлович и Серафима Павловна Ремизовы весьма скептически и иронично относились к Рериху в его ипостаси религиозного философа и «Учителя жизни», им импонировала исключительная преданность Шклявера своему гуру. Об этом свидетельствуют их дневниковые записи. В начале 1930-х годов Серафима Павловна охарактеризовала своего знакомого так: «...хочет быть дипломатом, образованный, ученый, очень верный человек [Рериху]».⁶ Переписывая после смерти супруги ее заметки, Ремизов прокомментировал и дополнил эту характеристику: «[Меня поразила его необычайная легкость в эту войну. Очень уж, чересчур, патриотические чувства выказывал, Иванов-Разумник (10 лет провел в тюрьмах и кое-что рассказал, напечатано в довольно-таки неоправданной русской газете) —

этот Иванов-Разумник „предатель“, а между тем, сам Георгий Гаврилович стал французом, отошел от России бесповоротно. Уж лучше бы помалкивать. Отрекаться от родины не очень-то знатно. Да, лучше уж не искать „предателей“. Это меня очень от него отвело: его верность Рериху, а это все равно какой-то Рерих («персонаж комический»), нас удивила, как редкость среди измены, предательства. АР]».⁷

Удалось также выяснить, кто стал прототипом возлюбленной Пакта — таинственной княжны Олсуфьевой, «жрицы буалонского оракула», «пасшей в стаде „Кришны“⁸ и запутавшейся в индийских абстракциях», помнящей писателя еще в «той» жизни, т. е. в предыдущем воплощении, и составившей его гороскоп. Имя реальной женщины, отображенной в рассказе Ремизова, не так известно, однако и оно было установлено в процессе анализа записей, сохранившихся в ремизовском архиве. Гороскоп оставалась в окружении писателя еще многие годы после создания и публикации повести «Мышкина дудочка».⁹ В гостевой книге Ремизова «Золотая книга Обезвельволлала № 3» имеется такая запись посетительницы его квартиры на улице Буало: «Мария Александровна Философова, рожд[енная] княгиня Прозоровская-Голицына. 10-ое марта 1953 г. Париж». Ниже прилагается ее рисунок (изображение мужчины с прямым пробором и галстуком) с подписью: «Георгий Гаврилович Швер<окончание закрашено. — А. У.>». Позднее, видимо, после ухода гостей, этот рисунок был дорисован Ремизовым — от изображения Шклявера отделилась фигурка с рогами (черт); фамилия Георгия Гавриловича, изначально написанная с искажением, была частично зачеркнута и исправлена на «Шклявер», и наконец, под именем изображенного персонажа появилась приписка: «выходит из бани».¹⁰

О княжне Марии Александровне Прозоровской-Голицыной (1892–1983),¹¹ в замужестве Философовой (была замужем за Юрием Николаевичем Философовым), сохранилось не так много сведений. Известно, что она была дочерью князя Александра Александровича Про-

⁷ Там же.

⁸ В данном случае имеется в виду то, что героиня рассказа являлась последовательницей идей индийского духовного учителя Джидду Кришнамурти (1895–1986), труды которого публиковались в том числе в издаваемом при участии Шклявера журнале «Оккультизм и йога».

⁹ Первая публикация: *Ремизов А. М.* Мышкина дудочка: Интермедия. К истории «Сквозь огонь скорбей» // Русский сборник: Проза и стихи. Париж, 1946. Кн. 1. С. 19–48.

¹⁰ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 948. Л. 48.

¹¹ См. ее некролог: Русская мысль (Париж). 1984. 5 янв. № 3498 (перепеч.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–2001: В 6 т. М., 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 646).

² В архиве Ремизова сохранилось 12 писем Шклявера, последнее из которых датировано 21 июня 1957 года; см.: ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 3. Ед. хр. 203, 253, 399, 547, 597, 622, 698, 986, 1059; Оп. 4. Ед. хр. 403, 406, 425. Большая часть писем — поздравления с различными праздниками.

³ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 290. Л. 27.

⁴ Там же. Ед. хр. 947. Л. 45 об.

⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 196.

⁶ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 290. Л. 27. Уточнение в скобках позднее приписано Ремизовым.

зоровского-Голицына (ум. в 1914) и княжны и домовладелицы Марии Петровны Голицыной-Прозоровской (1863–1933; в эмиграции с 1922).¹² После смерти отца с 1914 до 1917 года М. А. Прозоровская-Голицына являлась владелицей подмосковного имения Раменье (ныне Раменское), где уделяла большое внимание развитию крестьянского образования. В 1917-м княжна эмигрировала, а в 1921-м главный дом ее родовой усадьбы сгорел дотла.¹³

История, поведанная Ремизовым в рассказе «Гороскоп», относится к 1940–1944 годам. Тем не менее известно, что и в 1950-е Философова, Шклявер и Ремизов продолжали общаться между собой. Так, например, Мария Александровна упоминается в письме Шклявера Ремизову от 28 марта 1953 года: «Дорогой Алексей Михайлович, очень огорчен всей этой историей с Ириной, доставившей Вам неприятности — по вине Марии Александровны Фил<ософы>вой. Я не имею адреса „Ирины“: сообщите мне, пожалуйста, и я тотчас ей напишу, чтобы вернула книгу, после чего Вы передадите ее Лёве. Зайду к Вам на днях, непременно. Извините, что так вышло неловко. Искренне Ваш Георгий Шклявер».¹⁴ Документальные свидетельства показывают, что в жизни, в отличие от грустного финала ремизовского рассказа, общение между Гороскопом и Пактом не прерывалось.

В заключение можно сделать вывод о том, что установление прототипов двух героев из круга персонажей печальной «интермедии» «Мышкина дудочка» и при-открытие завесы над реальными взаимоотношениями этих людей позволяют добавить еще один нюанс в изучение вопроса о соотношении документальной точности и творческого вымысла в произведениях Ремизова.

¹² Голицына-Прозоровская (урожд. княжна Трубецкая) Мария Петровна // Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Библиографический словарь: В 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 385.

¹³ История усадьбы «Раменское». См.: http://a-zavorotnyuk.ru/news/kultura/4225-istoriya_usadby_ramenskoye.html; дата обращения: 31.10.2023.

¹⁴ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 4. Ед. хр. 425.